

Марко Каратоццо, Людмила Спроге

В тумане прошлого: неизвестный автобиографический фрагмент Василия Ивановича Немировича-Данченко

In the Fog of the Past: An Unpublished Autobiographical Fragment by Vasili Nemirovich-Danchenko

In 1909, the poet and translator Fedor Fidler (Friedrich Fiedler) curated a collection of short autobiographies from various contemporary Russian writers. However, not all of the autobiographies submitted to him were included in the final 1911 volume *First Literary Steps*. Notably absent from this publication is the contribution of the prose writer and journalist Vasili Nemirovich-Danchenko (1845-1936). Recently unearthed, this previously unpublished text is presented and analyzed here for the first time.

Публикуемый впервые¹ фрагмент представляет немалый интерес в рамках определенного биографического поджанра, который принято называть “автобиографией по заказу” (Деотто 2011). Автор текста – плодовитый русский журналист, поэт, писатель и мемуарист Василий Немирович-Данченко (1844–1936, далее Н-Д), старший брат известного театрального режиссера Владимира (1858–1943), с которым его нередко путали из-за идентичности инициалов². набросок автобиогра-

фии, сделанный Н-Д, значим не только как неизданный архивный материал, касающийся *curriculum vitae* “творца бесчисленных романов”³, но и

на жизни, опубликованной в итальянском переводе в журнале *Nuova Antologia* в начале XX века” (Pagani 2020).

³ Известность Н-Д как плодовитого автора, в чей творческий арсенал вошли многочисленные жанры, многообразие тем и проблем, описания своих путешествий, корреспонденции с нескольких войн, участником которых он был, стали поводом для эпиграмм и шуточных шаржей на протяжении всей долгой жизни писателя; Lolo (Л.Г. Мунштейн (1867–1947) поэт-сатирик) запечатлел его широкую известность и пафос жизненных исканий так: “Амфитрион литературы, / Весенний наш Мафусаил, / Ты, не боясь ‘температуры’, /

¹ Каратоццо: с. 3-9, 15-21; Спроге: с. 9-15, 21-29.

² “Иногда, – пишет М.П. Пагани – их даже путают, как в случае ошибочного приписывания Василию пьесы Це-

потому что представляется важным фактом фиксации особого периода истории русской периодической прессы, – в течение которого личность и литераторство Н-Д, завоевывают, не без трудностей (как он сам пишет в автобиографии), свою писательскую репутацию в русской интеллектуальной среде. Рукопись названа автором *В тумане прошлого*⁴ (Письмо к Ф.Ф. Фид-

Весь белый свет исколесил. / Творец бесчисленных романов, / Новелл, рассказов, повестей, / Певец любви, борьбы страстей, / Военных бурь и ураганов. / Как встарь, талантлив, полон сил / И жизнерадостен, и светел, / Своей зимы ты не заметил, – / Дни нашей жизни осветил!” (Lolo 1927).

⁴ Интересно, что через двенадцать лет после описываемых событий, Н-Д напишет под таким же заглавием роман, где главный герой Андрей сталкивается с различными препятствиями, проходит через жестокие испытания в своем стремлении к успеху, богатству и счастью. Роман Н-Д прочно забыт; после эмиграции в Берлин, а затем в Прагу, по всей вероятности, жизненные коллизии персонажей (Андрея, Константина и Анны) *перешли* в другие беллетристические сюжеты писателя, *растворившего* таким образом свой роман 20-х гг. в многочисленных текстах, созданных в краткий берлинский период или в пражской жизни, когда писатель был “одним из наиболее переводимых на чешский язык и широко публикуемых русских авторов: за годы эмиграции в Праге вышло более 20 его романов и 10 сборников

леру) и состоит из пяти частей, содержание которых распределяется по шести рукописным бумажным листам, заполненных текстом не одинаково. Листы были написаны Н-Д предположительно между 1909 и 1910 годами, затем отправлены известному в своем кругу русскому немцу – писателю и переводчику – Федору Фидлеру – хорошему знакомому Н-Д. Текст был недавно обнаружен в одном из двух главных архивных фондов Фидлера, – тот который хранится в Российском Государственном Архиве Литературы и Искусства (второй находится в ИРЛИ)⁵.

Документ представляет собой письмо, которое было отправ-

повестей и рассказов” (Белошевская 2011: 128).

⁵ Немирович-Данченко Василий Иванович (1848–1936), писатель. Ф. 2044 107 ед. хр.; 1864–1926. Содержание фонда: Стихотворения, статьи, путевые записки, записная книжка. Личные, финансово-хозяйственные документы. Письма Вас. И. Немировичу-Данченко: А.В. Амфитеатрова, Н.Ф. Анненского, В.П. Буренина, П.И. Вейнберга, В.П. Гайдебурова, П.П. Гнедича, Д.В. Григоровича, А.Ф. Кони, Вл.И. Немировича-Данченко, О.К. Нотовича, А.А. Плещеева, А.С. Суворина, В.Е. Чешихина, К.И. Чуковского, П.Е. Щеголева и др. Стихотворения М.А. Лохвицкой, В.М. Лаврова; письмо Г.С. Петрова И.Д. Сытину (Дубровский *et al.* 1999: 188).

лено Ф.Ф. Фидлеру, в связи с тем, что он в это время готовил к печати сборник писательских воспоминаний *Мои первые литературные шаги*. Упомянутый сборник был результатом трехлетней работы: уже с 1909 г. Фидлер начал переписываться с разными по эстетике современными русскими писателями и поэтами (в том числе с Блоком, Бунинным, Ремизовым, Тэффи и др.) с просьбой написать автобиографический текст о первых литературных шагах. Надо отметить, что Фидлер не впервые взялся за издание литературной антологии: подобные книги его интересовали уже с 1889 г., когда он выпустил в Германии сборник о русских лириках (Fiedler 1889). Автобиографии русских писателей планировалось издать в книге 1911 г., но по неизвестным причинам не все полученные собирателем материалы были в нее включены. Так как книга Фидлера не переиздавалась, то не попавшие в сборник автобиографии остались неопубликованными, но сохранились в указанном фонде; среди них текст Н-Д представляет особый интерес. В продолжении 75-летнего писательства “русский европеец”, “скиталец по

векам”⁶ несчетное количество раз давал интервью о своем творчестве, отвечал на многочисленные анкеты, писал автобиографические очерки, вел переписку со своими современниками – журналистами, издателями, критиками, которые в разные периоды его творческой деятельности пытались создать его литературный портрет и разгадать загадку его актуальности и созвучности эпохе. Проникновенным демократическим пафосом были наполнены ранние его стихи, где мотивы независимого поэтического творчества и свободного родного края “без палачей и угнетенья” пересекаются с ориентальными южными картинками в духе предшествующей ему романтической традиции:

Кто возвратит мне край
родной, / И страсть, и
негу ночи южной. / И
лепет моря под скалой, /
И песнь грузинки молодой – /
Печальный вздох души
недужной?.. / В полдневный зной
под сенью лоз / Перебегающие
тени, / Благоуханье алых роз, /
Хранящих

⁶ Такие характеристики писателя наиболее частотны в литературной критике и в многочисленных поэтических посвящениях.

след вечерних слез, /
 Платанов дремлющие
 сени?.. / Свободу родины
 моей – / Где мысль не
 ведает стеснения, / Где
 груди дышится вольней,
 / Где нет над словом –
 палачей, / Над челове-
 ком – угнетенья?..
 (Немирович-Данченко
 1902: 62)

О первых шагах своих на литературном поприще Н-Д умел и любил рассказывать и в XIX, и в XX веках, всегда находя строгие закономерности и интересные случайности в жизни начинающего литератора. Позднее, уже в эмиграции, писатель задумал автобиографические книги *Солнечное детство*. (Из воспоминаний) и *Тропические дали*, главы из которых публиковались в периодических изданиях – *Черные страницы*, *Мой первый гонимый*, *Апофеоз* и *Первый дебют*, в котором отчасти раскрыта поэтика малых прозаических жанров Н-Д, – а именно, – как завершать сюжетную интригу? Диалог в *Первом дебюте* касается “секрета” авторской стратегии письма:

Чем все это кончилось?
 Можете не досказывать!
 Почему? Концы всегда
 не интересны... Заклю-

чительные аккорды хороши только в музыке...
 Дальше – повторения...
 Оборвать рассказ надо на крещендо! Надо, чтобы слушатель оставался с нетерпеливой жадностью: “А что же потом?..” А не с разочарованием: “Только то!” (Немирович-Данченко 1932: 3)

Ранний набросок воспоминаний о первых творческих шагах впоследствии не был предан забвению. Оглядывая творческий путь Н-Д до его отъезда из России, можно утверждать, что мемуарные сюжеты о встречах с русскими классиками, видными деятелями культуры, солдатами и офицерами на полях военных действий, были осмыслены в контексте автобиографических линий писательской судьбы. Частотность мемуарных публикаций в начале 20-х гг. XX в. свидетельствует о том, что потребность в многотомных воспоминаниях входила в писательские планы Н-Д, об этом говорят публикуемые им сюжеты в эмигрантской периодике⁷. Характерно,

⁷ В этой связи характерны письма 1931 г. Н-Д редактору газеты *Сегодня* М.С. Мильруду: “Когда у меня спрашивают: Что Вы пишете? Я отвечаю: посмертные произведения [...]. Думаю,

что тематическая направленность этих публикаций часто соответствует тем наброскам, которые остались на листках *В тумане прошлого*, – это и принципиальный вопрос “что оставить в памяти, а что – вычеркнуть”; роль наследственности в становлении будущего писателя, влиятельные имена и книги; сопротивление жизненным неудачам; политические убеждения; война с цензурой. Эти грани определили рефлексию собственного жизненного пути и творческих воплощений.

О Федоре Федоровиче Фидлере (1859–1917) вышло в последние годы немало исследований, что подтверждает повышенное внимание к значению его личности в рассматриваемый период⁸. Особенно пристально рассматриваются его интересные мемуары и записные книжки, опубликованные в 2008 г. под редакцией Константина Азадовского (Фидлер

пора писать воспоминания. Я их наметил себе много. И Вы когда-то рекомендовали мне тоже, да я все текущею действительностью был занят. [...] Газета, переводившая из *Сегодня* мои воспоминания, недавно спрашивала, когда же я буду продолжать их”. (Абызов *et al.* 1997: 211, 213).

⁸ См.: Константинов 1982, Данилевский 1960, Азадовский 2015. Новейшая библиография о нем находится в: Азадовский 2019.

2008). Редактор во вступительной статье называет Фидлера “одним из достойнейших представителей дореволюционной российской интеллигенции” и отмечает ценность его подробных дневников, которые он вел “с аккуратностью образцового аптекаря” (Немирович-Данченко 1921: 101). Только недавно они были опубликованы, и сразу же заслужили сравнение со “своего рода памятником, содержательным и уникальным, охватывающим сотни имен, событий и фактов” (Азадовский 2008: 5). Автор мемуаров и дневников был сыном немецкого часовщика (часовых дел мастера), который из Германии переселился в Санкт-Петербург. Хотя в семье говорили по-немецки, дети воспитывались по русским традициям. Фидлер учился в столичной гимназии и поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета, где вместе с ним студентом-филологом был брат писателя Всеволода Гаршина; это обстоятельство поспособствовало знакомству с популярным литератором, что помогло Фидлеру-переводчику войти в круг самых известных столичных поэтов. С 1894 г. Фидлер начал преподавать немецкий язык в

известной женской гимназии княгини Оболенской, где успешно проработал долгие годы, что ему позволило в 1913 г. дослужиться до чина статского советника. Любовь к родному языку нашла профессиональное отражение в его широко известной деятельности переводчика. По словам писателя Николая Познякова, одного из авторов, включенных в сборник: “За 25 лет он перевел на немецкий язык всех выдающихся русских поэтов” (Азадовский 2008: 9). Особенно выразителен отзыв о его переводческом мастерстве Антона Чехова, приводимый в книге Н-Д, который назвал Фидлера “лампадой перед иконой русской литературы” (Немирович-Данченко 1921: 97). Благодаря прижизненной известности Фидлера, нетрудно представить себе широкий диапазон его контактов и, с другой стороны, – понять готовность русских литераторов сотрудничать с ним, в частности, – принять участие в проекте *Мои первые литературные шаги*. Сборник вышел в 1911 г. в издательстве Сытина, и доходы с его продажи поступили в Литературный Фонд. В книге собраны пятьдесят четыре⁹ краткие ав-

тобиографии, написанные на основе “опросного листа” из 25 вопросов, – например: “Первое написанное и оставшееся в рукописи произведение. Когда? Какое?”, “Первый гонорар – Со строки, с листа или полностью за всю рукопись?” (Фидлер 1911: 3–4). Фидлер раздал опросный лист знакомым авторам, не всегда получая, как он сам пишет в своем дневнике, желаемое внима-

не в алфавитном, а “в порядке их поступления” (Фидлер 1911: 3), обнаруживает широту знакомств Фидлера и его центральное место в тогдашней литературной среде: Б.А. Лазаревский, В.П. Авенариус, Г.С. Петров, Л.Н. Андреев, А.А. Измайлов, В.А. Тихонов, Е.Н. Чириков, О.А. Шапир, К.В. Лукашевич, И.Н. Потапенко, Т.Л. Щепкина-Куперник, Н.А. Морозов, А.А. Луговой, А.А. Блок, И.С. Рукавишников, П.С. Соловьев, И.Л. Щеглов, А.М. Федоров, А.И. Косоротов, Ф.В. Черниговец-Вышневецкий, В.В. Муйжель, С.И. Гусов-Оренбургский, Г.И. Чулков, В.И. Томашевская, Д.М. Ратгауз, О.И. Дымов, А.Н. Будищев, Д.Н. Овсяннико-Куликовский, П.А. Сергеенко, В.Я. Светлов, Г.А. Галина, К.К. Арсеньев, Л.Ф. Пантелеев, С.Д. Дрожжин, К.С. Баранцевич, М.А. Волошин, В.В. Туношенский, И.Ф. Анненский, Л.И. Шестов, М.И. Альбов, Л.Я. Гуревич, И.И. Ясинский, Н.А. Тэффи, Н.О. Пружанский, П.В. Засодимский, А.Е. Зарин, А.М. Ремизов, Е.П. Карпов, Е.М. Безпятов, И.А. Белоусов, А.М. Хирьяков, Д.М. Цензор, И.А. Гриневская, И.А. Бунин.

⁹ Сам список авторов, размещенных

ние¹⁰. Например, в сентябре 1909, отмечает Азадовский (2015: 236), он обращается к Федору Сологубу с просьбой получить от него адреса разных писателей, а в последующие месяцы старается дойти до них, передавая опросный лист, но, видимо, не всем проект сборника показался интересным, или просто не все получили его письмо, что и могло бы объяснить причину отсутствия текста Н-Д. Второй причиной мог быть формат текста: представленная писателем автобиография оказалась намного длиннее остальных, появившихся в сборнике. Несмотря на строгую условность опросника, авторы сборника на самом деле прислали разнотипные тексты: Бунин, например, не старался сюжетно представить биографический текст, а просто и

¹⁰ См., например случай Федора Сологуба, жившего тогда “по соседству” с Фидлером и также приглашенного собирателем участвовать в сборнике. 30 сентября 1910 Фидлер записывает в своем дневнике: “Я упрекнул его в том, что он, вопреки своему обещанию, так ничего и не дал мне для Первых литературных шагов (как раз сейчас печатают корректуры от Сытина из Москвы). ‘Для меня нет прошлого в моей литературной работе. О чем я должен был написать? Что поначалу все редакции возвращали мне мои сочинения?’” (Фидлер 2008: 542).

коротко ответил на вопросы; Ремизов же, наоборот, отнесся весьма творчески к выдвинутой задаче и сочинил небольшой сюжет о своем первом рассказе, где тонирует известную метафору о сапоге, и ссылается на первые строки *Бедных людей* Достоевского.

Эти различные биографические *медальоны* указывают на природу *поджанра*, о котором идёт речь – *автобиографией по заказу*; по определению Патриции Деотто: “Автобиографическое письмо автора, представляющее произведение или сборник в прозе или поэзии, [...] или биографический очерк для журнала или сборника автобиографий разных авторов” (Deotto 2012: 49). С обычной автобиографией, как уточняет исследовательница, *автобиография по заказу* имеет немало различий: с одной стороны, тем, что это не волевой акт, поэтому “тот, кто пишет должен выстраивать свою память, приспособляя ее к образу, данному заранее” (Деотто 2011: 85), и, следовательно, пишущий такую автобиографию автор должен избегать некоторых аспектов, которые он бы не пропустил в написании обычной автобиографии. С другой стороны, следует уточнить, что даже если автор текста в действи-

тельности совпадает с изображенным персонажем, дистанция между ними увеличивается, поскольку последний должен соответствовать заданному образу, тем самым противостоя повествователю, который, наоборот, сохраняет свое всеведение (Деотто 2011: 85).

Оставшийся незавершенным текст Н-Д представляет своего создателя как бы в процессе выстраивания событий и фактов не в линейном порядке, а на эмоциональной волне. Он и в самом деле подходит к строгим критериям заказной автобиографии без особой дисциплины, которая предлагалась в опроснике Фидлера: этого нельзя не заметить, повествование Н-Д не следует логике, предусмотренной редактором, не фокусируется на 25 вопросах. Свидетельствует об этом и подзаголовок *Письмо Ф.Ф. Фидлеру*, в котором выражено желание сохранить самостоятельное видение своего литературного *rapportée*, а также осязаем интимный тон личной переписки, освобожденной от необходимых в данном случае ограничений и схем. Тем самым Н-Д значительно сокращает дистанцию, которая обычно создается между канонической автобиографией и её поджанром. Следует

добавить, что в намерение самого Фидлера входило предпочтение к более свободным описаниям, не скованным “опросником” и это обнаруживается в предисловии, где он уточняет, что “авторам предоставлялось отвечать в любой форме и не на все пункты нижеприводимого опросного листа” (Фидлер 1911: 3). Желание Фидлера включить Н-Д в проект сборника *Мои первые литературные шаги* естественно и не подлежит сомнению, так как он к концу первого десятилетия XX века был уже классиком современной литературы и приобрел международную известность своими произведениями¹¹. Писатель родился в Тбилиси в 1844 г. и провел свою юность между Кавказом и Москвой. В десятилетнем возрасте он был отдан отцом, кавказским офицером, в Кадетский корпус, где его неприязнь к военной среде год от года усиливалась. В 1863

¹¹ Библиография о Н-Д достаточно объемна. Написанное о нем по 1999 г. можно найти в подробной библиографической статье В.Н. Баскакова и В.Е. Хализиева (1999: 285). Из более недавних исследований, см.: Кулагина 2015, Данченко 2017, Гусев 2017. По поводу особенно интересной и актуальной “итальянской темы” у Немировича-Данченко, см.: Caratuzzolo 2021, Талалай 2021, Немирович-Данченко 2023.

году, решив посвятить жизнь литературе, укрепленный своим очевидным мастерством в стихосложении и поощрением кадетов и некоторых преподавателей, Н-Д переехал в Санкт-Петербург и начал публиковаться, одновременно работая журналистом в *Петербургском листке*. Это был 1865 год, то самое время, когда Ф.М. Достоевский работал над *Преступлением и наказанием*, также используя материалы из этой газеты.

В 1868 году, по причинам, которые до сих пор не выяснены¹², Н-Д был заключен в тюрьму, лишен дворянских прав, удален из столицы и сослан в Архангельск, где прожил в ссылке до 1874 года. Благодаря заботам Н.А. Некрасова, ему все же удалось попутешествовать, посетить ряд мест, что и дало ему возможность сразу же проявить особый талант к путевым заметкам и к этнографическим материалам: в частности, по-

¹² Интересен на эту тему отрывок из дневников Фидлера от июля 1890 г., где он описывает разговор с Лейкиным о Н-Д: “Да, теперь он – знаменитый писатель. Но когда-то давно занимался тем, что брал у изготовителей под залог рояли и фортепьяно, а затем продавал их или закладывал, и был за это выдворен из Петербурга. А все-таки стал человеком!” (Фидлер 2008: 74).

сле посещения Соловков, Валаамского архипелага и Лапландии, в 1874 он опубликовал в Петербурге (куда ему тем временем было разрешено вернуться) книгу *Соловки. Воспоминания и рассказы из путешествия с богомольцами*, которую оценил И.С. Тургенев, но особенно высоко – Достоевский. Именно благодаря книге о Соловках, Достоевский узнал о Н-Д и постарался убедить князя Владимира Мещерского, тогдашнего издателя *Гражданина*, ходатайствовать перед министром юстиции о помиловании молодого писателя (Белов 2001: 22–23).

В последующие годы автор все больше утверждался как писатель-путешественник, автор интересных популярных рассказов и путевых заметок по Уралу, Волге, Кавказу, Малой Азии, Африке и Южной Америке, затем по Центральной и Западной Европе (одна из его книг, *Очерки Испании*, 1888 года, стала знаменитой далеко за пределами России)¹³. Впе-

¹³ Известный поэт – сатирик Д.И. Минаев неоднократно использовал в своих эпиграммах личность Н-Д, его растущую известность и “скоропись”, как индивидуальную черту его творческого акта; в конце 1860-х гг. описывая созданное за два часа и изумившее всех полотно художника-

чатления от посещаемых мест нередко вкрадывались в сюжеты многочисленных повестей и романов, которые составляют значительную часть литературного наследия Н-Д. “Много пишет и Василий Иванович Немирович-Данченко”, – записывает сам Фидлер в своем дневнике от 5 января 1889 г., – “он разъезжает по Европе в поисках новых впечатлений, затем уединяется в каком-нибудь безлюдном месте и через две недели – роман готов!” (Фидлер 2008: 57). Эта черта примечательна и в произведениях, действие которых разворачивается в Италии, по которой Н-Д путешествовал и даже продолжительное время проживал¹⁴.

мариниста И.К. Айвазовского, поэт сравнивает его быстроту с аналогичным талантом Н-Д – очеркиста: “Айвазовский в два часа / Вид морской создал для пробы, / Но такие чудеса / В прессе редки ли? Ещё бы: – / Немирович без затей / В час напишет ряд статей, / Всем доступных, даже путных – / И морских и сухопутных”. Наменяя на “плодовитость” молодого беллетриста, на экспансию его материалов в периодической печати, Минаев “предостерегает” издателей от “вездесущего” автора: “Когда себе желаете вы счастья, – / Вам надо объявить не менее ста раз, / Что Немирович-Данченко у нас / Не будет принимать в издании участия” (цит. по: Немирович-Данченко 1925: 6).

¹⁴ См. недавно появившийся, под редакцией Михаила Талалая, сборник

Цель его путешествий была не только “беллетристической”. Н-Д фактически был и известным военным корреспондентом, одним из первых русских журналистов, кто профессионально выполнял свою задачу. В этом качестве, посылаемый от известных печатных изданий (*Наш век*, *Новое время*, *Русское слово*), он был свидетелем разных войн: Сербско-турецкой 1876 г., Русско-турецкой 1877 г., затем Русско-японской 1904 г., войны на Балканах в 1912-13 гг. и, наконец, Первой мировой войны, о которой он писал из Польши, Англии, Франции и Италии. “Я рисовал, – заявил он в 1914 году, – ужасы войны, в которых отвратительное сплетается с вдохновенным, героизм с подлостью, гений с бездарностью, самоотверженность с показным расчетом” (Баскаков *et al.* 1999: 283).

В 1917 г., находясь в Москве, Н-Д позитивно воспринял Февральскую революцию и отрицательно Октябрьский переворот, в котором он усмотрел “трагический крах разрушенной древности” (там же: 284). В годы гражданской войны он продолжал сотрудничать с народной прессой, публикуя

его произведений об Италии: Немирович-Данченко 2023.

статьи и рассказы, но в 1920 году, желая осуществить проект исторического труда под названием *Народные суды, вожди и мученики*, попросил разрешения выехать за границу для изучения архивов¹⁵. С 1922 года, когда разрешение было получено, Н-Д покидает Россию: он живет сначала в Берлине в течение года, затем в Праге, где он стал одной из самых влиятельных личностей русской эмиграции и получил среди соотечественников-интеллектуалов прозвище “наш старшина” (Баскаков *et al.* 1999). В эти годы он сотрудничал с самыми известными русскими эмигрантскими газетами в Берлине, Праге, Софии, Париже, Ревеле и Риге. В то же время он пользовался до определенной поры литературным успехом и в советской России, где его книги достигали ошеломляющих тиражей на протяжении 1920-х гг. Из мемуарной трилогии, которая “писались в первые дни революции” (Немирович-

¹⁵ О своем существовании в послереволюционной Москве Н-Д написал ряд статей: *Как бегают из советского рая* (1925), *О десятилетии Октябрьского переворота* (1927), *Голодная смерть писателей при большевиках (По личным воспоминаниям)* (1929), *От нас ушедшие. Мои встречи с Гумилевым* (1929).

Данченко 1921: 3), в эмиграции, вышел только первый том *На кладбищах*, остальные материалы остались в рукописном виде и хранятся в основном в РГАЛИ. За свою долгую писательскую жизнь Василий Н-Д был автором более 250 романов, повестей и рассказов¹⁶. Широкая известность его объясняет лишь отчасти предложение Фидлера написать автобиографию в сборник. Двух современников спланировали тесные дружеские отношения, о чем неоднократно подтверждается в дневниковых записях Фидлера, где имя Н-Д фигурирует довольно часто. Особый интерес вызывает запись от 7 сентября 1892 о встрече с писателем в гостинице Англетер, где Н-Д занимал роскошный номер. В тот день Фидлер брал у него интервью и аккуратно записанные ответы на вопросы представляются одним из самых интересных

¹⁶ Количество прижизненно изданных книг Н-Д разнится от 215 до 250, ему было присвоено прозвище *русский Дюма*, 50 томов его дореволюционного собрания сочинений были подтверждением его незаурядной трудоспособности, хотя он не преувеличивал своего значения в русской литературе, считая себя “посредственным романистом, добросовестным и неутомимым журналистом и хорошим военным корреспондентом” (Пехтерев *et al.* 1993: 59).

свидетельств о жизни и о творчестве Н-Д (Фидлер 2008: 97).

Уважение и неподдельный интерес Фидлера к писателю были взаимными, как не трудно догадаться, читая *На кладбищах*, где четвертая глава *Памятка о неугасимой лампаде* полностью посвящена недавно умершему Фидлеру. Н-Д вспоминает о его неугасимом стремлении переводить русскую поэзию на немецкий, о его аккуратности, о его любви к рукописям, которые он постоянно просил у коллег-поэтов и хранил в своем скромном доме, где он жил с дочерью и больной женой. Его дом воспринимался современниками как музей и действительно бы стал настоящим музеем, если бы большая часть коллекции Фидлера не была бы утеряна. В мемуарах нет упоминаний о работе над сборником *Мои первые литературные шаги*, но есть подтверждение большого круга знакомств среди писателей и поэтов, которым деятельность Фидлера не могла быть безразличной:

Фидлер был неременным членом всех литературных учреждений, кружков и обществ. Едва ли за все время их суще-

ствования он пропустил хоть одно заседание или даже опоздал на какое-нибудь самое скучное и незначительное. Особенно он любил устраивать юбилеи. [...] На этих юбилеях Фидлер любил выступать с остроумными характеристиками писателя или приветствиями ему, составленными из названий его повестей, рассказов, романов. (там же: 102–103)

Как было сказано выше, публикуемая здесь рукопись Н-Д, записанная скорописью, с сокращением слов, *невозможным почерком*¹⁷ и не завершенная, делится на пять частей. В первой, – вступительной – автор уподобляет *память длинной дороге с верстовыми столбами – могилами* умерших друзей и близких. На втором листке рассказывается о ранней юности, об учебе и службе в Александровском Брестском Корпусе, где

¹⁷ О *невозможном почерке* Н-Д ходили легенды: трудно читаемый, – скорее – разгадываемый, он вносил дополнительные трудности в работу наборщиков, которые держали пари, кому набирать рукопись произведения Н-Д. Об этом содержатся комические упоминания в поздних воспоминаниях о Н-Д: Амфитеатров 1935 и Пильский 1936.

единственным сокровищем для него была большая корпусная библиотека с произведениями на английском, французском и русском языках. Затем – первый опыт молодого журналиста, поденный труд репортера в редакциях разных журналов, с которыми Н-Д сотрудничал в шестидесятые и семидесятые годы (*Вестник Европы, Отечественные записки, Дело, Стрекоза*). Согласно просьбе Фидлера, отвечая на 18-ый и 19-ый вопросы, Н-Д подробно описывает свои первые гонорары и рассказывает об издателях, и о разных условиях оплаты, об уничижительном отношении к молодым и никому неизвестным авторам, одним из которых он был сам. Далее делается краткое отступление на политическую тему, на цензурные запреты и на артикуляцию авторского *credo*, утверждающего: “Моя вера в свободу и братство отражалась в каждом задуманном мною сочинении. Не понимаю до сих пор, что значит тенденциозная литература”. В финале автор отвечает на 13–16-ые вопросы о цензуре и рассказывает о необычных ситуациях, в которых побывал. Н-Д воспроизводит эпизод издания сборника очерков и впечатлений *Святые горы,*

издаваемым у Суворина в 1880 г., когда книга “так была обезображена цензором, что хоть не признавай ее своей. Он вымарывал части, не думал о связи оставшегося и истерзанного”. Неизданный текст известного литератора должен быть опубликован в силу того, что он отчасти характеризует мемуарную стратегию Н-Д и восполняет утраченный эпизод литературной жизни, героями которого были 54 автора *автобиографий по заказу*, Фидлер и не вошедший в его сборник *Амфитрион* русской литературы.

Представленный ниже текст Н-Д хранится в Российском Государственном Архиве Литературы и Искусства (РГА-ЛИ) в фонде *Фидлера* (Ф. 2567. Оп. 2. Ед. хр. 75. Л. 1–6). Документ написан в виде *письма к Ф.Ф. Фидлеру* и состоит из пяти нумерованных листов разного размера и одного маленького листа (л. 5) с подписью “Василий Немирович-Данченко. Первые литературные шаги”. Везде сохранены особенности авторского стиля, за исключением орфографии, которая была модернизирована.

Василий Иванович Немирович-Данченко

В тумане прошлого (Письмо к Ф.Ф. Фидлеру)

[РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 2. Ед. хр. 75. Л. 1–6]

I.

Говорят, что в семь лет человек весь строится заново¹⁸. И это не ремонт, где только местами делают поправки и подставки, а весь он изменяется от грубой берцовой кости до загадочных молекул его мозга. Значит, я уже почти семь раз¹⁹ прошел через эту невидимую

работу творческой природы. Оглядываясь назад, в эту давним давно затянувшуюся мглою былль, я, если бы мне каким-нибудь чудом пришлось встретиться с самим собою, едва ли бы узнал пятнадцатилетнего мальчишку, выброшенного на произвол судьбы и улицы в Петербурге²⁰. Ведь ни одного из тех, локоть к локтю выходявших со мною в жизнь сейчас не осталось. Позади – точно длинная дорога и на ней верстовыми столбами их могилы. Самому себе кажешься каким-то архаическим пережитком – слыш-

¹⁸ Н-Д придерживался идеи семилетних циклов в жизни человека, считая, что каждые семь лет выводят человека на новый этап развития. Человек проходит определенное количество семилетних циклов, которые разнятся между собой по своим характеристикам. Современник Н-Д, писатель Иван Бунин, придерживаясь подобной цикличности человеческого возраста, в своем труде *Освобождение Толстого*, расписал каждые из двенадцати *семилетий* жизни графа Л.Н. Толстого, ссылаясь на философию возраста, принятую самим писателем: “Он разделял тогда свою жизнь на семилетия, говорил, что ‘соответственно семилетиям телесной жизни человека, признаваемым даже и некоторыми физиологами, можно установить и семилетия в развитии жизни духовной’. Этих семилетий было с небольшим недочетом двенадцать” (Бунин 1988: 7).

¹⁹ Н-Д в это время 49 лет.

²⁰ В 1863 г., прервав учебу в кадетском корпусе, Н-Д, переехав в Петербург, испытал тяготы нищенской жизни, о чем впоследствии неоднократно рассказывал, как в беллетристических, так и в *автобиографических* произведениях, в частности, рассказ о годах нужды был зафиксирован и опубликован близким ему писателем А.В. Амфитеатровым: “Шестнадцатилетний мальчик брошен в Петербурге одиноко и без гроша. Поступить в университет, конечно, не удалось: нужда не допустила. Впоследствии, писатель, уже знаменитый и богатый, не раз вспоминал в своих романах и повестях этот период безысходной нищеты. Навсегда памятными ему остались морозные ночи, когда он бродил по улицам Петербурга без пристанища в ожидании звона к заутрене, – авось, можно будет выспаться в церкви – где-нибудь у стены на скамейке” (Амфитеатров 1936: 3).

ком уж много в памяти и сердце таких былей, одни из которых страстно хотел бы вернуть, и другие вычеркнуть: чтобы им пусто было!

II.

Была ли у меня наследственность? Не знаю. Думаю, впрочем, что я сам свой предок. Отец былой кавказский офицер²¹, но у него оказалась по

²¹ “Отец – потомок казаков, небогатый помещик села Кневичи Ново-зыбковского уезда Черниговской губернии; долго служил военным и штатским на Кавказе; участник боевых действий, пехотинский офицер; вышел в отставку в чине подполковника, умер около 1863” (Баскаков *et al.* 1999: 282). А.В. Амфитеатров в вышеупомянутом очерке об отце писателя приводит следующие факты: “Родитель его, Иван Васильевич, командир гренадерского полка, стоявшего в городе Дербент, был человек воинственный и сына желал воспитать таким же. А потому, совершая набеги на горцев, он и младенца Василия брал с собою. Очень часто по ночам, когда мальчик спал в отцовской палатке, его будил треск внезапной перестрелки. Дворянин старого украинского рода, потомок запорожских атаманов и литовских воевод, сын храброго кавказского офицера, героической эпохи, воспетой Марлинским, Пушкиным, Лермонтовым, рожденный и выросший, так сказать, под грохот барабана, Василий Иванович, казалось бы, и атавизмом, и детскими впечатлениями, – не говоря уже о воле родительской – был пред-

тому времени громадная библиотека, которую я и читал без разбора. С наибольшим увлечением я перелистывал и Вальтер Скота и Кузьму Рощина²² и Мельмота Скитальца²³ и Юрия Милославского²⁴, и Дюма-отца и Купера²⁵ и Мариета²⁶ и Смоллета²⁷. Потом в Кадетском корпусе от Марлинского я перешел к Диккенсу, который и сделался моим любимым писателем вместе с Вальтер Скотом. В те далекие теперь года издавался превосходный детский журнал „Мир Божий” М.Б. Чистякова²⁸. Красочно, заманчиво авторы его

назначен к военной службе” (Амфитеатров 1936: 3).

²² Рощин Кузьма – герой одноименной исторической повести русского писателя и драматурга М.Н. Загоскина (1789–1852).

²³ *Мельмот-Скиталец* – роман английского писателя Ч.-Р. Мэтьюрина (1782–1824).

²⁴ Юрий Милославский – герой романа М.Н. Загоскина *Юрий Милославский, или Русские в 1612 году*.

²⁵ Фэнимор Купер (1789–1851) – американский классик приключенческой литературы.

²⁶ Огюст Мариет (1821–1881) – французский египтолог.

²⁷ Смоллет – один из персонажей романа *Остров сокровищ* шотландского писателя Р.-Л. Стивенсона (1850–1894).

²⁸ Ошибка памяти: русский педагог и писатель М.Б. Чистяков (1809–1885) редактировал с 1851 по 1860 гг. *Журнал для детей*.

статей рисовали страны и народы, воспитывая молодое воображение в стремлении к красоте природы и характер в опасных приключениях их героев. От него я перешел к Дюма и Дюрвиллю²⁹ и его кругосветным плаваниям. Книгохранилище Александровского Брестского Корпуса³⁰, где я учился, было обильно по разделу путешествий, и чуть ли с самого младшего класса я уносился наивною мечтою на острова Тихого океана, в таинственную глубь Южной Америки, в мистическую заповедную жизнь мусульманских народов Индии и Востока. Я даже любил карцер³¹, потому что там никто не скучал, плен и утомительная шагистика не мешали мне с любимыми авторами странствовать в знойных пустынях, одолевая бурные океаны... Потом моим идолом стал – Лев Толстой³², а

²⁹ Жюль Дюмон Дюрвиль (1790–1842) – французский путешественник, мореплаватель, океанограф.

³⁰ В 1854 г. Н-Д был отдан в Александровское кадетское училище в Москве (позже переведенное в Вильно), речь идет об одном из его корпусов.

³¹ В дореволюционных учебных заведениях помещение для временного одиночного заключения провинившихся учеников, кадетов.

³² К столетнему юбилею Толстого Н-Д откликнулся статьей *В 2428 году. Лекция о Льве Толстом через 500 лет*

критическое чувство росло на Чернышевском³³ и Добролю-

(Немирович-Данченко 1928: 4). Отношение Толстого к творчеству Н-Д не было однозначным: с одной стороны, он критично отзывался о тоне и языке его произведений, с другой – рекомендовал его сочинения издательству *Посредник*, где вышло около тридцати изданий для народного чтения; отдельные публикации Н-Д были высоко оценены Толстым – *Мамудкины дети*, корреспонденции о Китае и Японии. В литературных воспоминаниях, со слов своего младшего брата (Владимира Ивановича Немировича-Данченко) писатель приводит вопрос Толстого: “– У вашего брата отличный живой диалог! Говорил обо мне Л.Н. Толстой. – Ему бы следовало писать для театра” (Немирович-Данченко 1927: 4).

³³ На протяжении долгого жизненного пути Н-Д с пафосом вспоминал свою юношескую влюбленность в личность Н.Г. Чернышевского. В эмигрантский период были опубликованы его мемуары *Н.Г. Чернышевский в кадетском корпусе (по личным воспоминаниям)*, где была отражена “пора великих реформ и еще более великих ожиданий” и “как этот чреватый обетованиями рассвет отразился в белых стенах закрытого военно-учебного заведения”. Н-Д описывает свои незабываемые 13-14-летние впечатления от чтения трудов Бокля, Льюиса, Дарвина, Белинского, Герцена, но и среди этих имен журнал *Современник* и “наш кумир Чернышевский” оказывали решающее влияние: “Молодая мысль, как бунтующие воды, шла за теми, кто был далеко впереди и ломала все рогатки, сносила плотины по пути за ними. Любимым журналом значился у нас *Современник*. Нельзя себе предста-

вить, до чего истрепывались его книжки. Мы чуть не выучивали каждую строку Н.Г. Чернышевского. Его смелость, диалектический блеск, остроумные сравнения и железная убедительность выводов кружили молодые головы. Было в этом, разумеется, много детского. Мы говорили по Чернышевскому, убеждая друг друга, приводили его положения, не допуская никаких сомнений. Его портреты добывались всеми способами. Самым лакомым блюдом за нашими обедами считались пироги. И я помню, что приобрел его карточку ценой пятнадцати пирогов. Пятнадцать дней я таким образом лишал себя этих сокровищ кадетской кулинарии. Мы носили портреты на груди. [...] Нас занимало все, что касалось отца русского радикализма. Наш учитель словесности Еленевский, чуть ли не товарищ Чернышевского по семинарии, любил рассказывать о нем и мы, затаив дыхание, слушали его восторженные очерки бурсы, в которых видную роль играл Николай Гаврилович. [...] Я судил о крестьянской реформе по статьям Чернышевского. [...] Я ехал в Петербург, рисуя себе впереди великое счастье встречи с писателем. Мечтал об этом. Обдумывал, что я ему скажу и впредь корректировал каждую мою фразу. И вдруг в Москве меня обухом по теме ни ударила неожиданная весть об аресте Чернышевского. [...] Я уже не был кадетом. Отчасти под влиянием любимого писателя я снял с себя погоны. Так много надеялся на его руководство в новом пути. Вез ему свои первые литературные работы. Сколько вечеров я провел тогда перед приземистыми стенами Петропавловки, соображая и догадываясь, где должен быть он. Слушал печальный звон курантов. Я потом показывал Н.А. Некрасову стихи, написанные мною в

bove... В корпусных стихах я любил природу³⁴. Не видя ее прежде, я страстно привязался к ее прелести на страницах „моих поэтов”. Я не расставался с Пушкиным, Лермонтовым, Фетом, Меем³⁵, Щербиной³⁶. Музыка стиха вызывала у меня слезы. Я до сих пор не могу равнодушно „переживать” строфы дававшие молодой душе такие впечатления. Совершалось невозможное: Писарев и Чернышевский – сплетались с Фетом и Щербиною...

III.

Да, мне жизнь доставалась тяжело и за каждую из своих

эти дни. Они мне казались верхом гнева и негодования. [...] Но, увы, Н.А. отрезвил меня: ‘Лучшее употребление, которое вы можете сделать из них – на растопки’. А Салтыков еще хуже: ‘Пишите, мой друг, на мягкой бумаге, на что-нибудь она вам пригодится’. Так я и увял, не успев расцвести” (Немирович-Данченко 1928²: 4).

³⁴ “Корпусные стихи” – т.е. написанные в кадетском корпусе; в раннем поэтическом творчестве Н-Д преобладали мотивы природы, далее в поэтических сборниках 1882, 1893 и 1902 гг. стихи о природе занимают центральное место, см. лирический цикл *На Севере* и др. стихотворения.

³⁵ Лев Александрович Мей (1822–1862) – русский поэт, переводчик.

³⁶ Николай Федорович Щербина (1821–1869) – русский поэт.

„побед” я платился ростовщи-
чьими поражениями, пока мне
не удалось стать на ноги и за-
нять „свое место в простран-
стве и времени”. Неужели этот
мальчуган, трепетно ожидав-
ший в редакции „Занозы”³⁷ су-
да М.П. Розенгейма³⁸ над сво-
ими стихами был я. С какой
завистью смотрю я на сего-
дняшних начинающих! Как
они самоуверенно входят в
писательские кабинеты и с ка-
ким апломбом спрашивают: а
что вы мне заплатите за это? Я
помню свой настоящий уже
дебют, не первые пробы пера,
а так сказать гастроли, когда я
получил письмо от М.М. Ста-
сюевича³⁹: „Соловки”⁴⁰ при-
няты и будут напечатаны в
„Вестнике Европы”⁴¹, и такое

³⁷ *Заноза* – литературно-художественный сатирический еженедельник либеральной направленности в Петербурге с 1863 по 1865 гг., один из издателей журнала – М.П. Розенгейм (см. ниже).

³⁸ Михаил Павлович Розенгейм (1820–1887) – русский поэт, публицист и переводчик.

³⁹ Михаил Матвеевич Стасюевич (1826–1911) – русский историк и публицист.

⁴⁰ Произведение Н-Д *Соловки. Воспоминания и рассказы из поездки с богомольцами* опубликовано в *Вестнике Европы* в 1874 г.

⁴¹ *Вестник Европы* – русский старинный “толстый” журнал, о котором в исторический период 1866–1911 гг. пишет Н-Д.

же от Н.А. Некрасова⁴²: ваши
пять стихотворений уже по-
мещены в „Отечеств[енных]
Записках”⁴³. Если и было

⁴² Сохранились воспоминания Н-Д о Некрасове: Немирович-Данченко 1946.

⁴³ Редактор указанных выше воспоминаний С. Макашин указывает, что “сотрудничество Н-Д в *Отечественных Записках* оказалось кратковременным и неудачным. Впервые он выступил здесь как поэт. В 1871 г. он предложил Некрасову стихотворный цикл под заглавием *Из песен о павших*. Стихи были слабые и, видимо, мало понравились Некрасову. Но он все же напечатал пять стихотворений (*Отечественные Записки*, 1871, № 11. Отд. 1, 243–246, подпись: “Д”). Извещая об этом автора, Некрасов писал: “Во уважение серьезных причин, изложенных в Вашем письме, а равно и достоинств Ваших стихотворений, редакция *Отечественных Записок* напечатала некоторые из них – лучшие по ее мнению. [...] Через два месяца Некрасов дополнительно поместил в журнале из того же цикла: *Освобожденный* и *После войны* (*Отечественные Записки* 1872, № 2)” (Немирович-Данченко 1946: 590). В мемуарном сборнике *На кладбищах Н-Д* поместил главу *Мои встречи с Некрасовым*, где есть такие характеристики: “В Некрасове часто замечалось два человека. За письменным столом, в редакции – один. Друг и товарищ писателя, он в английском клубе или со своими чиновными, богатыми и аристократическими друзьями казался совсем другим. Двудликий Янус. Но хорошею стороною обращенный к нам, ко всем, кто в нем нуждался, до последнего типографского рабочего, рассыльного. И в нем это не было напускное, личина для

публики, для рекламы, нет. Тут он являлся самим собою. И в этом его бы не узнали клубные завсегдатаи, видевшие его за зеленым сукном. [...] [Н]адо сказать, что Н.А. Некрасов ко всему, что носило печать таланта, относился не только внимательно, но и трогательно. Особенно, если молодой писатель был беден, а кто же из нас тогда был богат? Он для таких являлся не издателем, а скорее товарищем, собратом, если хотите, опекуном. Время было тяжелое. Капитал еще не врывался в печать, и самые популярные впоследствии издания начинались с такими ничтожными средствами, с какими нынче не выпустишь и тощей книжки. Случалось, для очередного номера закладывать женины серебряные ложки. Разумеется, это не относилось к *Отечественным Запискам*, *Вестнику Европы*, *Делу* или *Русскому Вестнику*, но и у них бывали затруднительные минуты. Ведь впоследствии средней руки автор за газетный фельетон получал больше, чем, например, Достоевский за печатный лист в мое время. Н.А. Некрасову не легко достался издательский успех. А ведь он помимо громадного таланта обладал еще практической сметкой, какой не могут похвалиться и заправские коммерческие дельцы. Это и помогло ему создать не одно крупное литературное предприятие, не скупясь с сотрудниками. А широко по тому времени тратя на них подписные тысячи. Он никогда не мог забыть пережитых им былей. Первые годы его литературной деятельности в Петербурге отмечены тяжелыми лишениями, даже нищетой. Я могу здесь привести со слов Николая Алексеевича страничку из мартиролога некрасовской юности. Был скверный осенний вечер в Петербурге. Я встретил поэта на набережной Невы у Зимнего

настоящее счастье – так только в эти три момента: в 1863г⁴⁴. в „Стрекозе”⁴⁵ и в 1874 году⁴⁶ в названных журналах. Гонорар „Вестн[ика] Евр[опы]” (бор. за лист) и „От[ечественных] Зап[исок]” (75к. строка), можно этим уже жить, да еще как, но их первые! Мих[аил] Павл[ович] Розенгейм, еще платил по тому времени широко – четвертак строка стихов, за то потом, когда мне пришлось, чуть не умирая от голода и оставаясь зимою по месяцам без квартиры, писать в тогдашней ежедневной печати – воробью в декабре на улице куда лучше! Я, разумеется, говорю о печати малой.

Дворца. Ни красок, ни света, все темно и серо кругом, дали казались намеченными карандашом в тумане. Николай Алексеевич стоял, опершись на гранит у Зимнего Дворца. Внизу грузно плыла свинцовая Нева. Холодом веяло. Он оглядел меня и усмехнулся: ‘Как вы сейчас напоминаете мне меня самого много, много лет назад. У меня не один такой вечер в памяти. [...] Трудные были годы... Каторжные... Много они в моей душе вытравили и здоровья отняли не мало’” (Немирович-Данченко 1921: 141, 144).

⁴⁴ Ошибка памяти.

⁴⁵ *Стрекоза* – еженедельный журнал сатиры и юмора с карикатурами, выходивший в 1870–1912 гг.

⁴⁶ Ошибка памяти.

Сотрудники у Краевского⁴⁷ и у Корша⁴⁸ были белою костью, Крезами⁴⁹ в сравнении с нами. Я помню, как я должен был получать по три копейки за каждые две строчки. Должен был – потому что я их никогда не получал. Они – эти копейки только значились в счетных книгах – а в карманы ко мне попадали только жалкие дробы. Теперь, между моими маленькими рассказами, десятками изданий, разошедшимися для народа, для детей, вошедших в не раз повторенные сборники, есть такие, которые у меня покупались гуртом: десять целковых за пачку и не рыночными торговцами, а великолепными Медичисами⁵⁰ периодической печати. Случалось, что за очерк, который и сейчас ставится мне в красную строку, я имел возможность пообедать в греческой кухмистерской. Да и потом, когда у меня было уже имя, –

⁴⁷ Андрей Александрович Краевский (1810–1885) – редактор-издатель *Отечественных Записок*.

⁴⁸ Федор Адамович Корш (1852–1923), драматург, переводчик, основатель Театра Корша.

⁴⁹ Крез – последний царь Лидии, богатейший правитель в античном мире, имя его стало нарицательным.

⁵⁰ Т.е. Медичи – правители Флоренции, меценаты выдающихся художников и архитекторов эпохи Возрождения.

три изданиями после Вестника Европы разошлись „Соловки“, появились книги „У Океана“, сначала помещенные в „Деле“⁵¹ Благосветлова⁵², и окончились в „Отечественных Записках“ статьи „За северным полярным кругом“⁵³, – знаете ли, что я получил за книгу и за вошедшие в нее восемь детских рассказов, проданных на вечные времена крупнейшему из тогдашних издателей? По тридцати рублей за каждый, включал сюда и гонорар за помещение их в журнале. За остальные девять дополнившие эту книгу – мне было уплачено не деньгами, а возвратом других моих рукопи-

⁵¹ *Дело* – издаваемый в Петербурге с середины 1866 по январь 1888 гг. литературно-политический ежемесячный журнал под редакцией Н.И. Шульгина и Г.Е. Благосветлова, там публиковались очерки (в том числе упомянутый *У Океана*) Н-Д: *Колыбель миллионов. Очерки из золотого царства* (1884, № 7–8).

⁵² Григорий Евлампиевич Благосветлов (1824–1880) – русский журналист, публицист, редактор журналов *Дело* и *Русское слово*.

⁵³ В конце 1860-х – начале 1870-х гг. Н-Д жил на побережье Белого моря и Ледовитого океана, которые описал в ряде очерков, опубликованных в журналах *Отечественные Записки* и *Вестник Европы* и вышедших затем отдельными книгами: *За Северным полярным кругом*, а также – *Беломоры и Соловки*, *У океана*, *Лапландия и лапландцы*, *На просторе*.

сей, безжалостно сокращенных каким-то идиотом – пописарски: нужно было место для рисунков – и из моих очерков выстраивались кусочки, за которые только и уплачивалось. Я останавливаюсь на этих подробностях, чтобы показать какой переворот произошел за последние двадцать-тридцать лет в русской литературе. Жизнь впроголодь – этот кошмар прошлого отошел чуть ли не в средневековье. Вспоминаешь, неужели это действительно было? Голодные дни, холодные ночи, дрянь и рвань таких костюмов, в которых даже и в Публичную библиотеку не пускали, унижения перед пухлою и глупою мошной и все-таки... Верните мне далекую юность с ею порывами, увлечениями, розовыми горизонтами и яркими миражами – и я бы опять ушел на улицу бороться и верить, недоедать и чуть ли не весь мир считать своим. Должно спеть из-под крыш – дальше видно в слуховые окна чердаков. Море громадного города под вами – и вы один надо всеми. О, если бы теперь после полувековой неустанной работы – хоть день прожить так, когда казалось, что на всем этом просторе недостаточно воздуха – наполнить вашу грудь. Как жилось и лю-

билось! Даже гибель и та не отнимала веру в свое грядущее у этих микроскопических Александров Македонских⁵⁴. Схватила тебя за хвост судьба, закружила в высоте и швырнула: пропадай ты пропадом. И все-таки – упадешь на четыре лапы, отлежишься, отдышишься и опять уносишься грезой в головокружительную высь... Какой-то отъевшийся до отрыжки литературный буржуй назвал таких червями в навозе. Неправильно. Червяку в навозе, во-первых, сытно и тепло, он, пожалуй, и двухутробному буржую не позавидует. А во-вторых, и червяк – Бог, если он грезит о звездах небесных и смелою мыслью облетает моря и земли. Кому лучше, туполобому тюремщику, для которого его свобода постылая, будничная жена или узнику пламенно, охватывавшему ее страстною упоительною мечтою, как желанную любовницу – венчанную царицу всей его жизни...⁵⁵

⁵⁴ Великий полководец Александр Македонский вошел в историю как завоеватель, не проигравший ни одной битвы. Здесь употреблено в переносном значении.

⁵⁵ Пассаж по мотивам напоминает более поздние миниатюры, публиковавшиеся в эмигрантских изданиях (*Последние новости, Иллюстрированная Россия, Сегодня*) под заголовком *Облетевшие Листья* (Из дневни-

IV.

Я никогда не мог отрешиться от своих политических убеждений. Я не притягивал за уши к ним [нрзб], но как-то само собой моя вера в свободу и братство отражалась в каждом задуманном мною сочинении. Не понимаю до сих пор, что значит тенденциозная литература. Раз мне что-нибудь дорого и свято, понятно, что и в твоём бедном творчестве образ, создается именно в том направлении. Шестидесятники ли тут отразились на складе моей работы, не знаю, – но рядом и т<аким> образом у меня всегда шли идеи. Они переплетались, и я не мог оторвать одну от другой... даже и в поздней действительности, в полуфантастических маревах я не скрывался – всякое старание потом пахнет, а по самой природе своей [я] был солдатом великой армии, завоевы-

ка писателя). Н-Д дорожил лапидарным форматом и афористичностью своих миниатюр, в письме к редактору рижской газеты *Сегодня* М.С. Мильруду он писал: “С моей легкой руки Бунин начал печатать свои отрывки. Из Парижа мне писали, что мои *Облетевшие листья* (*Из дневника писателя*) и Бунинские осколки очень нравятся. Посылаю Вам новую серию таких” (Абызов *et al.* 1997: 212).

вающей человечеству лучшее будущее.

V.

Ты спрашиваешь о войне с цензурой⁵⁶. Я думаю, нет такого литературного имени, которое не было бы вписано в мартиролог российских писателей. Я помню, как в благо-светловском „Деле” из моих очерков с далекого севера было вычеркнуто красным карандашом описание бури. Сбоку цензор удостоил выяснить: природа Лапландии представлена в слишком мрачном „свете”. Одна из повестей моих была вся от первой до последней строки перекрещена. Оставлены заголовки и надпись сбоку: „печатать разрешается”. „Махмудкины дети”⁵⁷, где в рождественскую ночь наш офицер – выпускает больного и раненого турецкого майора, у кото-

⁵⁶ О цензуре и страданиях от нее Н-Д писал неоднократно. В середине 1920-х гг. он публиковал очерки в русских эмигрантских изданиях. См.: *Литературная полиция во время оно* (*Преданья старины глубокой*); *Борьба писателей с цензурой в старину*; *Мумии прошлого* (*Из анекдотической истории старой русской печати*); *Палачи слова. Из личных воспоминаний* и др.

⁵⁷ Н-Д. рассказ *Махмудкины дети* был издан в Москве в 1884 г.

рого без призора обреченная голодной смерти семья, – были запрещены, потому, видишь ли, что я проповедую государственную измену. Это – вслед за пояснением в том же рассказе, что мы там были обременены тысячами пленных, что не знали куда их девать. Еще недавно из моих военных воспоминаний глава „Два конца” чуть не повела к запрещению целой книги⁵⁸. Я объяснялся с цензором. Спрашиваю, как же вы пропустили Сеньобоса?...⁵⁹ И получил ответ: не только не пропустил, но, и начато против него преследование. Нужно его засадить в тюрьму! – Довольно трудно! Почему? По нынешним временам? – Сеньобос француз и живет, вне пределов досягаемости – в Париже. – А! протянул цензор... Я думал – наш жид!⁶⁰ Книга „Святых гор” так была обезображена цензором, что хоть не

⁵⁸ Вероятно, речь идет о главе из книги *На войну (От Петербурга до Порт-Артура). Из писем с дороги* (Москва, 1904).

⁵⁹ Шарль Сеньобос (1854–1942) – крупнейший французский историк, профессор Сорбонны, создатель нового подхода в изучении истории.

⁶⁰ В смысле: российский еврей; ограниченный в своих познаниях цензор воспринимает нерусскую фамилию как еврейскую, проявляя при этом антисемитский настрой.

признавай ее своей⁶¹. Он вымарывал части, не думал о связи оставшегося и истерзанного. Из моих статей об Италии, печатанных в приложении к иллюстрированному журналу цензор из главы „Пасквино и Макфорио” выбросил несколько эпиграмм, вышедших на Западе даже в хрестоматии⁶². Спрашиваю, за что сие? – Обидно папе и иезуитам! Боже мой, да есть ли возможность припомнить все, что творимо нашими цензорами. Капитан Копейкин⁶³ в сравнение с ними – сама мудрость.

⁶¹ Речь идет об издании: Немирович-Данченко 1880.

⁶² Пасквино – народное прозвище римской античной статуи, изображающей Аякса с трупом Ахилла. Пасквино, вместе с другой статуей, Марфорио, суждено было играть видную роль в средневековом Риме: на обоих памятниках появлялись надписи: эпиграммы, пасквили, шутки на злобу дня; создавалось забавное впечатление, что две статуи как бы ведут между собой диалог. Приводимые Н-Д хрестоматийные эпиграммы были причиной нападков со стороны цензуры.

⁶³ Персонаж *Повести о капитане Копейкине* Н.В. Гоголя из поэмы *Мертвые души*.

Библиография

Caratozzolo 2021: Caratozzolo, Marco. 2021. 'Introduzione', в Nemirovič-Dančenko, Vasilij. *I gemelli di San Nicola* (Bari: Stilo), 7–12

Deotto 2012: Deotto, Patrizia. 2012. 'L'autobiografia su commissione', *Avtobiografija*, 1: 49–58

Fiedler 1889: Fiedler, Friedrich. 1889. *Der russische Parnas. Anthologie russischer Lyriker von F. Fiedler* (Dresden und Leipzig: Heinrich Minden)

Lolo 1927: Lolo [Леонид Мунштейн]. 1927. 'Эпиграмма', *Сегодня*, 18 (23 января): 5

Pagani 2020: Pagani, Maria Pia. 2020. 'Vasilij Ivanovič Nemirovič-Dančenko', <<https://www.russinitalia.it/dettaglio.php?id=773>> [последнее посещение 22 января 2024]

Абызов *et al.* 1997: Абызов, Юрий, Равдин, Борис, Флейшман, Лазарь. 1997. *Русская печать в Риге: Из истории газеты Сегодня 1930-х годов*, кн. II (Stanford: Stanford Slavic Studies)

Азадовский 2008: Азадовский, Константин. 2008. 'Рыцарь русской литературы', в *Из мира литераторов. Характеры и суждения*, Федор Фидлер (Москва: Новое Литературное Обозрение), 5–28

Азадовский 2015: Азадовский, Константин. 2015. *Серебряный век. Имена и лица. Избранные работы* (Санкт-Петербург: Нестор-История)

Азадовский 2019: Азадовский, Константин. 2019. 'Фидлер Фридрих Людвиг Конрад', в *Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь*, т. VI (Москва-Санкт-Петербург: Большая Российская Энциклопедия), 446–447

Амфитеатров 1935: Амфитеатров, Александр. 1935. 'Любимый дед девяноста лет. (К сегодняшнему юбилею В.И. Немировича-Данченко)', *Сегодня*, 6 (6 января): 4

Амфитеатров 1936: Амфитеатров, Александр. 1936. '76 лет на литературном посту. Жизнь и работа Василия Ив. Немировича-Данченко', *Сегодня*, 260 (20 сентября): 3

Баскаков *et al.* 1999: Баскаков, Владимир, Хализиев, Валентин. 1999. 'Немирович-Данченко Василий Иванович', в *Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь*, том IV (Москва: Большая Российская Энциклопедия), 282–285

Белов 2001: Белов, Сергей. 2001. *Ф.М. Достоевский и его окружение. Энциклопедический словарь*, том II (Санкт-Петербург: Алетейя)

Белошевская 2011: Белошевская, Любовь (под ред.). 2011. *Воспоминания. Дневники. Беседы. Русская эмиграция в Чехословакии*, кн. I (Praha: Slovanský ústav AV ČR)

Бунин 1988: Бунин, Иван. 1988. *Собрание сочинений в шести тт.*, VI (Москва: Художественная литература)

Гусев 2017: Гусев Н. 2017. 'Патриарх отечественной военной журналистики Вас. И. Немирович-Данченко и его корреспонденция с Первой балканской войны', в *Studia historiae Bulgariae et Europae Orientalis. К юбилею Т.В. Волокутиной* (Москва: Институт Славяноведения РАН), 31–44

Данилевский 1960: Данилевский, Ростислав. 1960. 'Переводчик русских поэтов Ф. Фидлер', *Русская литература*, 3: 174–177

Данченко 2017: Данченко, Елена. 2017. 'Мой прадед Василий Иванович Немирович-Данченко', *Зарубежные записки*, 36 <<http://z-zapiski.ru/publication.php?id=20086>> [последнее посещение 22 января 2024]

Деотто 2011: Деотто, Патриция. 2011. 'Автобиография по заказу', в "Образ мира в слове явленный..." *Сборник в честь 70-летия Профессора Ежи Фарыно*, redakcja Roman Bobryk et al. (Siedlce: Instytut Filologii i Lingwistyki Stosowanej Uniwersytetu Przyrodniczo-Humanistycznego w Siedlcach), 83–89

Дубровский *et al.* 1999: Дубровский, Александр, Царькова, Татьяна (сост.). 1999. *Личные фонды Рукописного отдела Пушкинского дома. Аннотированный указатель* (Санкт-Петербург: Русско-балтийский информационный центр БЛИЦ)

Константинов 1982: Константинов (Азадовский), К. 1982. 'Из дневника Ф.Ф. Фидлера', *Литературное наследство*, 3: 831–856

Кулагина 2015: Кулагина, А. 2015. 'Публицистика В.И. Немировича-Данченко в русско-турецкую войну 1877–1878 годов', *Век информации*, 2: 125–137

Немирович-Данченко 1880: Немирович-Данченко, Василий. 1880. *Святые горы. Очерки и впечатления* (Санкт-Петербург: Новое время)

Немирович-Данченко 1902: Немирович-Данченко, Василий. 1902. *Стихи. 1863–1901* (Санкт-Петербург: Суворин)

Немирович-Данченко 1904: Немирович-Данченко, Василий. 1904. *На войну. (От Петербурга до Порт-Артура). Из писем с дороги* (Москва: Сытин)

Немирович-Данченко 1921: Немирович-Данченко, Василий. 1921. *На кладбищах: (Воспоминания)* (Ревель: Библиофил)

Немирович-Данченко 1925: Немирович-Данченко, Василий Иванович. 1925. 'Живые картины в старом Петербурге (Из воспоминаний)', *Сегодня*, 263 (22 ноября): 6

Немирович-Данченко 1927: Немирович-Данченко, Василий. 1927. 'Почему я не сделался драматургом?', *Сегодня*, 18 (23 января): 4

Немирович-Данченко 1928: Немирович-Данченко, Василий. 1928. 'В 2428 году. Лекция о Льве Толстом через 500 лет', *Сегодня*, 251 (16 сентября): 4

Немирович-Данченко 1928²: Немирович-Данченко, Василий. 1928. 'Чернышевский в кадетском корпусе', *Сегодня*, 209 (5 августа): 4

Немирович-Данченко 1932: Немирович-Данченко, Василий. 1932. 'Первый дебют. (Отрывок из романа «Тропические дали»)', *Сегодня*, 184 (5 июля): 3

Немирович-Данченко 1946: Немирович-Данченко, Василий. 1946. 'Из воспоминаний: Мои встречи с Некрасовым' (публикация С. Макашина), *Литературное наследство*, XLIX–L (Москва: АН СССР – ИРЛИ Пушкинский Дом), 589–599

Немирович-Данченко 2023: Немирович-Данченко, Василий. 2023. *Близнецы святого Николая. Повести и рассказы об Италии*, сост., науч. ред., коммент. М.Г. Талалая (Санкт-Петербург: Алетейя)

Пехтерев *et al.* 1993: Пехтерев, Алексей; Клапка, Йиржи. 1993. *Русская литературная эмиграция в Чехословакии (1918–1938)* (Прага–Брно: Филиал Инст. Рус. Яз. им. Пушкина)

Пильский 1936: Пильский, Петр. 1936. 'Встречи с В.И. Немировичем-Данченко', *Сегодня*, 263 (23 сентября): 3

Талалай 2021: Талалай, Михаил. 2021. 'Базилио Данченко и его итальянский роман', *Русское слово*, 4: 34–38

Фидлер 1911: Фидлер, Федор. 1911. *Первые литературные шаги. Автобиографии современных русских писателей* (Санкт-Петербург: Сытин)

Фидлер 2008: Фидлер, Федор. 2008. *Из мира литераторов. Характеры и суждения* (Москва: Новое Литературное Обозрение)